

Татьяна Желудкова

ТАЛАЯ ВОДА

Татьяна Желудков

Талая вода

<https://litres.ru/74482913>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что остаётся с нами из детства спустя десятилетия? Запах родного дома, весенний ручей, первая кукла, отцовские руки, нехитрые деревенские радости, первая любовь — и люди, которых уже нет рядом, но которые навсегда остались в памяти.

«Талая вода» — сборник искренних и тёплых рассказов Татьяны Желудковой о детстве, семье, взрослении и человеческой доброте. Перед читателем оживает мир послевоенной деревни: повседневные заботы, детские проделки и открытия, семейные истории, радости и потери. А затем вместе с героями мы проживаем юность и вступаем во взрослую жизнь, наблюдая, как меняется страна и время.

В этих рассказах нет громких героев и выдуманных подвигов. Здесь главное — человек и его способность оставаться добрым, помнить своих близких, любить родные места и находить надежду даже в непростые времена.

Содержание

Живительная сила «Талой воды»	8
Кукла	16
Камень-валун	21
Запасное стекло	23
Конфеты	26
Спор	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Татьяна Желудков

Талая вода

Немного о себе

Я, Желудкова Татьяна Алексеевна, родилась

19 сентября 1952 года в селе Алексеевка Башмаковского района Пензенской области. Мой отец работал ветеринарным врачом, а мама заведовала клубом.

Мои родители хотели видеть своих детей (в семье, кроме меня, было ещё трое братьев) хорошими людьми. Каждым словом, каждым поступком они были примером для нас.

В 1960 году я пошла учиться в первый класс Алексеевской восьмилетней

школы. Изучив азбуку, увлеклась чтением сказок. Любила ходить в нашу сельскую библиотеку, иногда просиживала в ней часами.

В 1968 году пошла учиться в девятый класс Высокинской средней школы в

пятнадцати километрах от дома. Мне памятли дороги, размытые дождём, когда

ноги в сапогах еле-еле вытягиваешь из жирного чернозёма. Часто приходилось

добираться пешком до дома в зимнюю стужу.

В 1970 году окончила Высокинскую среднюю школу. Семейные обстоятельства

сложились так, что на тот момент возможности учиться дальше не было: тяжело

болел туберкулезом отец-фронтовик.

С 1970 по 1971 год работала офактуровщицей на домостроительном заводе в

Пензе.

Желание учиться, наконец, осуществилось: я поступила в Училище культуры

и искусств на музыкальное отделение. Вскоре не стало отца. Это было первым

серьёзным потрясением. В минорных мелодиях слышала боль утраты и по-

настоящему влюбилась в музыку. В 1974 году окончила училище. В этом же году

вышла замуж за военного. По специальности «дирижёр-хоровик» работала до рождения первой дочки.

В 1975 году вместе с семьёй переехала жить в Заречный.

С 1976 года работала на производственном объединении «Старт». Трудилась

с полной отдачей сил, как учили родители.

В 1981 году родилась вторая дочка. Я стала пытаться писать. Свои первые

опыты никому не показывала: чувствовала неуверенность.

2000 год стал переломным в моей судьбе. Переполненная эмоциями от

рождения второй внучки и третьего внука (дочки-то уже выросли и повыходили

замуж), отбросила, наконец, ложный стыд и пошла искать то, чем мне хотелось

заниматься всю жизнь. Обратилась к руководителю литературно-поэтического

объединения «Радуга», Михаилу Ивановичу Кириллову. Он сразу понял меня,

пригласил посетить поэтические семинары. Здесь встретила своих

единомышленников: стала учиться писать стихи.

За семь лет печаталась в коллективных сборниках: «Радуга в сердце

каждого» (2002 г.), «Рассвет над соснами» (2005 г.), «Имя тебе –

заводчанин» (2007 г.), «Мы с тобою очень дружим» (2007 г.). В 2007 году

выпустила авторский поэтический сборник «Монолог».

В 2005 г. я пришла в объединение прозаиков «Былина» - в поисках

неведомого. Умный, талантливый руководитель, Кадникова Татьяна

Владимировна, сумела влюбить меня в прозаическое Слово, тонко и чутко

помогала направлять мои эмоции в нужное русло, работать со словом,

чувствовать своих персонажей. В первых рассказах: «Кукла», «Запасное

стекло», «Конфеты», я обратилась к дорогим воспоминаниям детства. С тех пор

пишу в основном то, что пережила сама.

Сейчас на пенсии. У меня дружная большая семья, свой дом и подсобное

хозяйство. Люблю природу и стараюсь жить с ней в гармонии.

В 2008 году у меня родилась четвертая внучка – Агата. Ей я посвящаю свой

первый сборник рассказов «Талая вода».

Живительная сила «Талой воды»

Писала женщина стихи. Они сложились в «Монолог», первый поэтический сборник. А позже, совсем как у многих нас, случилось по Пушкину:

Года к суровой прозе клонят,

Года шалунью-рифму гонят.

Немало пишущей братии прошло такой стезёй. У всех своё объяснение этому

то ли искушению, то ли напасти: отложив на время стихи, дать волю

прозаическому рассказу о себе. Но есть у всех одно общее: наступает пора

«итожить то, что прожил». Проявляется это сонмом нахлынувших воспоминаний,

которые день ото дня становятся слаще. Их уже не вытравить, не отпугнуть.

Наступает осмысление прошлого. Соблазн начать писать прозой, может быть,

диктуется потребностью излить душу, не оглядываясь на «прокрустово ложе»

стихосложения – рифму.

Проза Татьяны Желудковой в этом смысле не исключение, а правило.

Послевоенное детство и юность на фоне «оттепели», «строительство коммунизма» и зубодробительная перестройка изобилуют в её памяти такими щемящими деталями социальной жизни и быта, радостями и горестями первого чувства, открытиями, которые она делала в себе и окружающем мире, что было бы грешно утаить от мира эту историю духовного становления человека.

На удивление, ни в одном из рассказов нет отрицательных персонажей, которые вызывали бы в нас отторжение. Думаю, что идёт это не от идеализации

окружающего, а от доброго и ясного взгляда автора на жизнь, от его умения

видеть хорошее в человеке. Мозаику «Талой воды» составляют двадцать рассказов, вобравшие в себя

многое из пережитого автором. Мир, представший перед читателем в коротких по размеру, но художественно значимых исповедях, разнообразен и интересен:

он формирует душевный уклад персонажей и, прежде всего, самого автора.

Искренняя и доверительная интонация повествования,

порой даже несколько

наивная, вовлекает нас в бесхитростное бытиё российской жизни. Многое

вместила в себя «Талая вода».

Вот семилетняя девочка из рассказа «Кукла». Она переживает первую

радость созидания: увидев у подружки заморскую игрушку, смело берёт иголку и

мастерит, как умеет, свою. И какое счастье для девочки, что встретилась ей

добрая соседка:

- Таня, ты никак с доченькой?

- Да, с Оленькой, - просияла девочка.

Видать, что-то языческое всколыхнулось в подсознании сегодняшней

Татьяны, иначе не появился бы рассказ «Камень-валун». Этот камень лежал в

сенях соседского дома и служил ступенькой перед входом в избу. «После

полуденной жары я забежала постоять на камне: мои ноги отдыхали на нём от

пекла... Когда старый дом разобрали на дрова, камень-валун сиротливо лежал

между обломков и мусора. Изнывая от... горя, он решил потихоньку уходить в

землю... и через несколько лет исчез».

Согласитесь, перед нами настоящая проза, одухотворённая и образная: так тепло, живо изобразить предмет, символ твёрдости и бездушия, – это писательская находка.

Маленькая героиня растёт отзывчивой на чужое горе, способной поделиться

своим, последним, с другими («Запасное стекло», «Конфеты»). В «Космонавтах»

отдаёт Татьяна Желудкова дань любви и уважения отцу. Мягким юмором освещены

строки рассказа:

« – Всё! Наконец! Свершилось!

– Да что случилось? – недоумённо спросила мама.

– Человек в космосе! Наш человек – русский! Гагарин!

В руках у него была коробка, в которой лежали румяные булочки. Их

привезли папе... из райцентра по его просьбе по случаю большого события –

полёта человека в космос».

Самые разные чувства переживаем мы вместе с подрастающей героиней:

удовлетворение, что перед долгой зимой удалось купить керосин (из

одноимённого рассказа), восхищение крестьянской лошадкой, которая отыскивала

дорогу в пургу и тем спасла погибающего хозяина («Спасительница»), и грусть оттого, что не стало в деревне чудаковатого дяди Феди... Многим из нас понятна ностальгия Катерины по родной деревеньке («Сенокос»), хотя сама заготовка сена на зиму бывала изнуряющей работой. Но последнее скоро забывается, а остаётся в памяти Кати, теперь уже горожанки, лишь «... медовый запах свежевысушенного сена». Как аромат нашей «малой» родины, добавлю я. Девочка выросла, полюбила, вышла замуж. (Скажу кстати, что сама Татьяна Алексеевна счастлива семьёй: и служит ей, и живет, ею хранимая, отдачей сердечности и заботы всех её членов: дочерей, мужа, зятьёв, но, главное, внуков). Об этом в рассказах «Первая осень» и «Талая вода». Несколькими деталями, выпуклыми и ёмкими, писательница сумела создать беспокойный, а может быть, беспощадный срез перестройки. Уже одно лишь перечисление названий: «Перестроечные мечты», «Пуховик», «Горшок»,

«Неделька» – выстроено автором в ряд как атрибуты, значимые в 90-х годах.

Но эти атрибуты того шального и «оталонненного» времени не были сутью

настоящих людей. Недаром интонация выше названных рассказов довольно

иронична. Самоирония, свойство умного человека, характерна прозе Т.

Желудковой.

Название рассказа «Талая вода» авторским решением стало заглавием всей

книжки. Видимо, в лоне нравственного поиска Татьяны он занимает особое

место. В рассказе нет увлекательного сюжета, но есть находки

психологического плана. Ценнейшая из мыслей, на мой взгляд, мысль о

магической связи человека и природы, человека и людей. В каком-то смысле

этот сборник рассказов – итог определённого этапа в жизни прозаика.

Сама талая вода здесь – символ чистоты и обновления. Налицо умение

автора проникать в духовный мир персонажа, пусть этот персонаж он сам.

Наступающая весна как ещё одна надежда жить, любить

людей и верить в себя.

«А оттаявшая рыжая прошлогодняя трава по-русалочьи размётывала свои косы

под водой». Какая живая, зримая деталь. Впрочем, не единственная в

сборнике. В «Первой осени» видим такую созерцательную картинку: «Лоси

изредка прядали ушами, переступали с ноги на ногу, вздрагивали коричневой

кожей». А ощущение из рассказа «Корова» удивительно трогательное: «Я

гладила её бархатные уши, трогала потеплевшие рога» в писательском смысле

дорогого стоит.

Читатели легко узнают магазин игрушек «Малыш», где, казалось, «...

постоянно жило весёлое лето». Автор умеет оживить и самый безобидный

бытовой предмет, не только камень-валун. В «Подарке» видим, как «...

берёзовый веник от кипятка безропотно разворачивал свои высохшие листочки».

Но довольно извлечений: надобно и читателю оставить возможность своими

глазами отыскать россыпи писательских находок в «Талой воде».

Однако не утверждаю, что нет замечаний к прозе

Т. Желудковой. На мой взгляд, иногда сквозь строки просвечивает заметная

старательность автора хорошо писать. Желание похвальное, но оно должно быть

незаметным. Или вдруг сельская девочка заговорит таким рафинированным

литературным языком, что хочется остановить её да поучить языку народному.

Есть места, где ощущается неоправданный напор сказуемых в стремлении автора

развить действие сюжета.

Но всё это – не беда. Это небольшие и легко изживаемые издержки

становления чуткого, любящего людей, внимательного к жизни прозаика.

Пусть талая вода каждую весну приносит Татьяне Алексеевне свою

живительную силу, а сложить из неё песню она сумеет.

Дана Лобузная,

писатель, кандидат педагогических наук.

Посвящаю внучке Агате

Воспоминания из детства

Кукла

...Было мне лет семь. Пошла я как-то навестить соседскую девочку Любу. Она старше меня на три года, перешла уже в третий класс, а я осенью собиралась в первый. Подошла к дому Банниковых, уцепилась за дверную скобяную ручку и с трудом открыла тяжёлую, скрипучую дверь. Когда вошла в дом, Люба хлопотала возле деревянной кровати, на которой были разложены разноцветные лоскутки, а возле подушки сидела маленькая, но не живая девочка.

– Ой, кто это? – воскликнула я.

– Кукла, – Люба деловито встряхнула какую-то цветную тряпку.

Сердце мое забилося в волнении:

– Ой, какая хорошенькая! Щёчки румяные! Носик маленький!

Платице на кукле было тоже красивое: на зелёной лужайке разбросаны ромашки.

– Тань, Таня, а на платице даже пуговицы есть, – Люба

повернула куколку

спиной, – посмотри, какие беленькие, их даже можно расстёгивать, – она

расстегнула две верхних, потом опять застегнула.

[ріс]

Мне так нравилась куколка, что я боялась до неё дотронуться.

– Ой, а волосы-то как золотые.

– Да ты не бойся, Тань, погладь их рукой.

– Посмотри, какой завязан на конце косы бант. Настоящий! Капроновый!

Я осторожно протянула руку. Бант блестел, как снежок на солнышке.

Капроновые банты в то время были редкостью. Обычно девочкам заплетали в волосы тряпочки.

Со словом «кукла» я была знакома раньше. У нас на столе стоял маленький

динамик, из него лился либо волшебный голос, либо звучала музыка. Я очень

любила детские передачи. Радио познакомило меня со словом «кукла», слышала

я его и в семье – у нас все с удовольствием читали, а вот впервые увидеть

куклу мне довелось у Любы.

В тот день я была у Любы долго: любовалась Маней – так

назвала она свою

куколку – радовалась, что Любе повезло: из Челябинска приезжали

родственники, привезли ей в подарок куклу. Я тогда ещё подумала:

– Почему такая получается несправедливость? И к нам зимой приезжал в

гости дядя Павел, мамин брат из Донецка, но привёз не куклу, а паровоз?

Насмотревшись от души на Маню и Любу, я пришла домой. Мама снимала

марлевую повязку с подойника. Она сходила в поле, принесла молоко от нашей

коровы Нарядки.

– Ты где была так долго, дочка?

– У Банниковых. Смотрела, как Люба играла с куклой.

Красивая...

...У родителей было четверо детей. Мы никогда ничего не просили: достатка

особого не было. Тогда все жили почти одинаково: в домах стояли самодельные

деревянные кровати, столы. Делали их при помощи топора. Выглядела вся

мебель грубо, но была очень надёжной. Служила много лет.

Мама улыбнувшись, сказала:

– Да ты возьми нитку с иглой и сшей сама себе куклу!

Она подошла к сундуку, подняла крышку, достала из него белый платок с выношенной серединой.

– А откуда возьмутся глаза, нос, ресницы, брови, губы?

– А химический карандаш на что? Послунишь и нарисуешь всё, что надо.

Мама ушла. Я осталась наедине с мечтой. Я никогда не шила, но желание

иметь куклу было настолько велико, что я сразу сняла с гвоздя тупые ножницы и принялась кроить.

...Время летело незаметно. Швы у меня выходили некрасивые, неровные, но

спустя какое-то время получилось подобие человека. Послюнявила химический

карандаш, нарисовала на лице широко раскрытые глаза, ресницы вывела

палочками, брови – дугой, только нос получился не совсем удачным:

нарисовала слишком крутую загогулину у кончика. Ладони расчертила

чёрточками: получились пальцы. Это я уже сама догадалась.

Сшила на свою куклу Олю сарафан. Из лоскутка вырезала платочек-

треугольник, повязала ей на голову, завернула в тряпочку и засобиравалась на улицу.

Перед тем, как выйти, я погляделась в осколок зеркала. Губы у меня

оказались в разводах химического карандаша, волосы растрепались. Я

сполоснула водой лицо, причесалась гребёнкой и очень довольная отправилась гулять.

Какая же я тогда была счастливая! Тетя Валя Гурова сидела на завалинке дома, улыбнулась:

– Таня, да ты никак с доченькой?

– Да. С Оленькой.

Это событие я вспоминаю как особую радость все годы, сколько живу на земле.

Камень-валун

Мы с подругой Лидой Бельнцевой родились в один год, в сентябре месяце, только в разные числа, она – пятнадцатого, я – девятнадцатого. Дома наши стояли через дорогу.

Мне очень нравилось у Бельнцевых: в сенях у них не было пола, вернее, он

был, но земляной, а ступенью перед дверью в комнату служил камень-валун. Я

его так любила! Он большой и удобный: с ровной верхней площадкой. После

полуденной жары я очень часто забегала постоять на камне: мои ноги отдыхали

на нём от пекла. Он дарил прохладу. Когда я вставала на него, он не скрипел

и не качался, как деревянные половицы. И никогда не гнил.

Камень-валун служил Бельнцевым бессменно много-много лет...

Мы подрастали, дом старился. Родителям подруги, дяде Паше и тёте

Акулине, пришлось купить дом на другом конце села.

Старый дом разобрали и
распилили на дрова.

Камень-валун сиротливо лежал между обломков и мусора. Его никто не

трогал и не подходил к нему. А, может, он в это время
заливался горячими
слезами?

Мне кажется, он служил не только ступенью, он был оберегом. Дяде Паше,

вернувшемуся с войны живым и невредимым, только тогда поверилось, что он на

родной стороне, когда в кирзовых запылённых сапогах
ступил на камень-валун.

...Возле камня быстро выросла полынь, появились прутьики ивняка.

Изнывая от собственного горя, он решил потихоньку уходить в землю. Год

за годом тонул всё глубже и глубже и через несколько лет исчез.

После того, как семья Белинцевых рассталась с камнем, она утратила удачу
во всём.

А камень сейчас там, где нужна его помощь...

[pic]

Запасное стекло

В один из декабрьских дней после обеда я пошла к Лиде. Постояла в сенях
на камне-валуне, открыла дверь в комнату.
– Проходи, проходи, Таня, – пригласила меня тетя Акулина, Лидина мать, –
иди, садись на сундук.
Сундук служил нам сиденьем и местом для игры. Он находился между
голландкой и иконостасом. В переднем углу у Бельницевых было много икон.
Я с интересом их разглядывала: мне нравилось грустное лицо Боженьки, а
ещё больше мне нравилась в иконах блестящая фольга и по краям красивые
цветы.
В этот день мне некогда было разглядывать иконы – мы с Лидой складывали
фантики от конфет. Зимний день короткий. Быстро наступили сумерки. Тётя
Акулина собралась зажечь керосиновую лампу: откинула занавеску, чтобы взять
её с полки. Лампа оказалась без стекла. Тётя Акулина рас-

сердилась и громко

закричала на Лиду:

– Ты куда дела стекло?

– Я его раз-би-ла, – прошептав, заплакала Лида.

– Ах ты, негодница! – закричала тётя Акулина, схватила топор, стоящий за сундуком, и приставила к горлу Лиды.

– Я тебя сейчас убью!

Лида завизжала от страха, меня тоже охватил ужас.

– Не убивайте её, – просила я тётю Акулину, а с-стек-ло я при-не-су! У

нас за-пас-ное есть! Я толь-ко с-спро-шу у ма-мы и п-при-не-су!

Я быстренько накинула пальто и стремглав помчалась домой.

Хорошо, мама оказалась дома. Я сбивчиво объясняла ей, что произошло у

Белынцевых, а сама всё тыкала пальцем на стену, на которой на гвоздике, на

верёвочке, висело стекло. Мама отдала мне его, я быстро вернулась назад,

влетела в избу через камень-валун и протянула стекло тётю Акулине:

– Вот с-стек-ло! Только не убивайте Ли-ду!

Она молча взяла стекло и вставила его в ажурный железный кружочек уже

зажжённой лампы. Лида ещё всхлипывала от пережитого ужаса, а я стояла возле неё. Я не знала, какими словами можно было её успокоить, а может быть, я их еще не научилась произносить. Я понимала, почему у Бельинцевых нет запасного стекла: тетя Акулина часто пила самогон, поэтому денег не хватало. Но в этот день она была трезвой. Может, и топор у горла Лиды держала понарошку?

Не знаю.

...Судьба Лиды и во взрослой жизни оказалась несладкой: она рано осталась без родителей. Шла по пути, усеянному камнями да булыжниками. Муж-алкоголик умер молодым. Осталась она с четырьмя детьми. Перебивается, мучается.

...Я помню пламя зажжённой лампы без стекла. Плач Лиды, крик тёти Акулины.

Огонь угрожающе трепетал, словно кому-то грозился своим горячим язычком.

Его отсвет падал на лицо Боженьки с ребёнком на руках. Мне показалось, что тётя-Боженька в этот вечер смотрела с иконы очень-очень печальными глазами...

Конфеты

Мама спешила – домывала полы. Пот бисеринками усеял её лоб, а я тянула

её за подол платья и канючила своё:

– Мам, ну, мам! Ну, дай мне, пожалуйста, немного денег!

Я пойду куплю

себе конфет. Мне очень-очень хочется их попробовать.

Мать, выпрямившись, поправила сбитый на бок розовый платок:

– Нет денег, дочка, нет.

– Мам, а знаешь, какие привезли? Шоколадные. «Весна» называются, – я с

тоской глядела в материнские глаза.

– А сколько они стоят-то? – спросила она со вздохом.

– Три рубля сорок копеек. Килограмм, – я не теряла надежды получить хоть самую малость.

– Дорого, – в голосе мамы зазвучала то ли грусть, то ли что-то ещё, но

мне показалось, что она что-нибудь придумает, и я смогу купить себе конфет.

– Мам, мне хотя бы сто грамм.

– Сейчас домою полы, посмотрю, может, что-то наскребу

в кошельке, — мама

отжала тряпку и насухо вытерла пол.

Я терпеливо ждала, когда она выльет из ведра воду и положит тряпку в уголок.

Потом мама молча подошла к висящему на гвоздике пальто, засунула руку в

карман, оттуда вынула рыжий потёртый маленький кошелёк. Застёжка у него

была самая обыкновенная: два блестящих шарика. Когда пальцами надавишь, они

— щёлк! И открылись!

Мама разомкнула застёжку, опрокинула кошелёк на ладонь. Мелочь вылетела

со звоном, хотя её было не так уж и много.

— Так. Вот пяточок, вот ещё. Вот трюшка, — мама отсчитывала мелочь.

Бумажных денег в кошельке всё равно не было. Она с трудом набрала тридцать

четыре копейки:

— На, иди, купи...

Мама всё пересыпала в мою ладонь. Я крепко её сжала. Надела пальто и

платок и поспешила в магазин. Душа моя пела! Мне легко бежалось по

скрипучему, искристому снегу. Какая радость! Куплю се-

бе сейчас вкусных
конфет!

В магазине никого не было. За прилавком стоял продавец
– дядя Саша

Подмарьков.

Черноволосый молодой мужчина. В уголке рта у него почти всегда дымила
сигарета.

– Дядь Саш! Взвесьте мне, пожалуйста, конфет, – отдала
ему всё до

копеечки, а сама не отводила глаз от блестящих, красивых
оберток. Мне не
терпелось поскорее их получить в руки.

Продавец не спешил. Он медленно взял ковшик, зацепил
«Весну» и небрежно

кинул на весы. Дядя Саша долго смотрел на стрелку весов
прищуренными

глазами, посматривал то в одну сторону, то в другую. То
ли цифры плохо

видел, то ли что-то ему ещё мешало в работе? Мне было
непонятно. Наконец,

он буркнул:

– Бери.

Я своими ручонками брала конфеты с весов как что-то
очень

необыкновенное.

Выйдя на улицу, я их пересчитала. В ста граммах их было всего четыре штуки!

– Как мало! – с сожалением подумала я.

Бережно развернула одну: тёмный, гладкий шоколад тускло блестел. Я надкусила конфету.

– Сладко! Наверное, я смогла бы съесть целый килограмм!

...Три конфеты проглотила быстро. Оставшуюся, четвёртую, отнесла домой.

Маме.

Спор

Когда я проснулась, в доме стояли сумерки. Мама топила печь – пекла

блины. Вылезать из тёплой постели мне совсем не хотелось. Я опять заснула.

Мне снилось жаркое, знойное лето. Мы с подружкой купаемся в пруду –

брызгаемся, хохочем. Балуюсь, я не заметила, как стала терять под ногами

дно. Сердце мое сжалось, куда-то ухнуло. Испугавшись, я очнулась. Мама

звала меня к столу:

– Вставай, сонюшка, блины есть пора.

Я наспех оделась, сполоснула лицо из рукомойника. Очень радовалась, что

страх был ненастоящий. Села есть блины. Запивала их парным молоком.

Смотрела в окно: оно было заиндевелое, но сквозь кудрявую бахромку инея на

небе поднималось яркое круглое солнце. Занятия в школе из-за морозов

отменили, спешить было некуда. Я подошла к окошку. Стала пальцем водить по

стеклу. От тёплого пальца иней на нём слегка подтаял, я подышала на окошко

ртом. Кружок стал чистым, я стала смотреть одним глазом на улицу. Сосед

дядя Коля Гуров расчищал тропинку от дома. Потом долго заводил свой

трактор, вставлял в какую-то дырочку железяку и сильно ею крутил. Трактор

изредка рычал, сзади выпускал клубы дыма и опять замолкал. Лицо дяди Коли

то ли от мороза, то ли от натуги сильно покраснело.

– Мам, что-то у дяди Коли трактор долго не заводится.

– Мороз сильный, вот и не заводится. Дай-ка, дочка, взгляну в окошко.

– Николай-то трезвый сегодня, а раз трезвый, значит, заведёт он трактор.

Ему трезвому любая работа под силу.

Мне стало скучно смотреть на одного дядю Колю, я решила сделать себе ещё

один кружочек. Другой глаз у меня стал смотреть на избу-читальню. За

сугробами был еле виден верх наличников на её окошках. По соседству стоял

столб, от него шли провода в избу-читальню. И ещё я увидела один-

единственный глубокий след: Павел Иванович как-то

умудрился пройти по

большому сугробу. Все сидят по домам, а он, несмотря на сильный мороз, как

добрый волшебник, сторожит теперь книги, поджидает читателей. Мне так

захотелось сходить в библиотеку, но мама не разрешила:
– По такому морозу нечего ходить. Будут ещё хорошие дни.

...Осенью, когда начинали лить скучные дожди, в избу-читальню бежали стар

и млад. Мы, ребяташки, за книгами. Я любила присесть в уголочке, притаиться

и читать сказки. Мне так хотелось быть принцессой!

Когда наступали сумерки, Павел Иванович зажигал лампу. От неё тянуло

керосином, я изредка глядела на фитилёк, который трепетал, как живой, когда

открывали дверь в коридор.

Мужики тоже любили ходить в избу-читальню: рассаживались на сколоченные

табуреты, скамьи. И начинались у них разговоры про жизнь. Часто вспоминали

войну. Рассказывали о своих ранениях. Дядя Митя Конкин однажды рассказал

мужикам такую историю:

– С боями мы дошли до Польши. Расквартировались в се-

мьях. В доме

обнаружили винный погребок. Вина там оказалось разного много: в бутылках от

нежно-розового цвета до тёмно-бордового, – хвастался дядя Митя. Когда мы

увидели такое богатство, устоять не могли: сразу начали распечатывать

бутылки, пробовали на вкус. До чего ж было вкусное вино!

Мы успокоились

только тогда, когда все запасы выпили.

Мужики улыбнулись, а дядя Леша Гуров после этого добавил:

– Эх, Митька, вино-вино... Хмельное да алое. А вот баб полячек ты видел

или нет?

Дядя Митя, замаявшись, словно застали его врасплох, ответил скомканно как-

то:

– Лёнька, что ты, леший такой, какого разговора и коснись, всё на баб

переводишь? Ты бы маленько поаккуратней эти темы затрагивал. Ты что, не

видишь, что ребятишки здесь?

Я старательно читала книгу, чтобы не вытурили меня из избы-читальни.

Валька Банников тоже смекнул под лавкой, что надо вести

себя как можно

тише.

Дядя Лёня не унимался:

– Ну, Митьк, ну как же без них-то? Мне вот пришлось одну горячую

потрогать, эту, полячку. Ой, скажу я тебе, приятное воспоминание осталось!

Мужики тоже добавили масла в огонь:

– Мить, что, слабо, что ли, было хоть потискать-то?

Чертыхнувшись, дядя Митя закурил свёрнутую в козью ногу махорку.

...Когда наступало время последних известий, мужики в избе-читальне

замирали: слушали. Были равнодушны к тому, что происходит в мире. Часто

упоминали о каком-то дяденьке (то ли имя у него такое было, то ли фамилия)

– Рузвельт:

– Умный, – говорили про него мужики. Папа мой всегда почему-то при

упоминании о нём добавлял:

– Американцам повезло, что был у них такой президент.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.